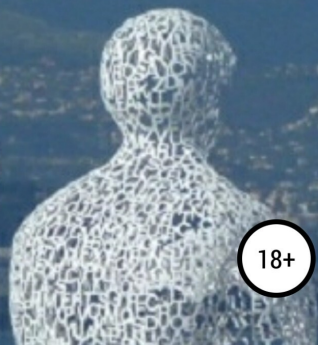

ЮРИЙ ГОРЮНОВ

Z E R O

"Тихая"
Швейцария

18+

Юрий Горюнов

Zero. «Тихая» Швейцария

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415608

SelfPub; 2018

Аннотация

– Вы что? Пришли меня послушать? Так слушайте. Я не буду ждать, когда в ваши головы прибежит идея, если не проскочит мимо, не удосуживаясь задержаться в ваших пустых головах. Я вас заставлю думать. Иначе заменю другими, – со вздохом закончил он. Книга 5 из серии Zero.

ZERO. «Тихая» Швейцария»

1

Вы, что совсем разучились думать? – резко спросил сидящий во главе стола мужчина, было ему за пятьдесят, и был он подтянутым, с прямой спиной, а седые волосы не портили его внешность. Он переводил пронзительный взгляд серых глаз на пятерых своих сотрудников, приглашенных на совещание, словно пытаясь заглянуть в их головы, чтобы понять, есть там что-либо кроме отговорок, а те сидели, понуро смотря в стол.

– Что головы опустили? Для чего вы мне здесь нужны тогда? Профессионалы, вашу мать! Агента провалили. Почему? Что произошло? – выговаривал он им, повышая голос.

Сотрудники, молча, слушали упреки в свой адрес, которые были справедливы. Обычно сдержанный на интонации генерал, сегодня был не в духе и пытался достучаться до подчиненных, вбить в их головы, что время не ждет.

– Вы что? Пришли меня послушать? Так слушайте. Я не буду ждать, когда в ваши головы прибежит идея, если не проскочит мимо, не удосууживаясь задержаться в ваших пустых головах, я вас заставлю думать. Иначе, заменю другими, – со вздохом закончил он.

Чтобы не распаляться дальше, он встал и подошел к окну. Там, за окном, светило весеннее солнце, которое уже растопило снег, и асфальт был сухим. В центре уже давно на-

ступила весна, и лишь в лесу, в тени, еще лежал покрытый коркой снег, серый и влажный. Внизу, по улицам сновали машины, а люди не торопливо шли под ласковыми лучами весеннего солнца. Генерал наблюдал из окна обычную жизнь горожан со своими заботами, радостями и печалью. А что происходило за стенами этого здания им знать и не надо. Зачем? Это задача специалистов обеспечивать их безопасность, мирную жизнь, а они должны заниматься своим делом, наслаждаясь погодой. Сам генерал предпочитал осень, ее начало, когда уже прохладный воздух тащит за собой шлейф летнего тепла, а небо ясное и чистое, и если посмотреть на него, то замечаешь его бездонную голубизну. Впрочем, сейчас ему понравилось бы любое время года, и любая погода устроила, лишь бы решить то, что висит грузом на ногах, не давая возможности двигаться дальше.

Он вернулся к столу. Сотрудники, все также молча, сидели, и наблюдали за перемещениями начальника, ожидая продолжения. Генерал осмотрел свой кабинет, стены которого были обшиты светлым деревом, а выше выкрашены бежевой краской, и были они удивительно пустыми, он не любил вешать ни фотографии руководителей, ни всякие эстампы и прочее. Его большой стол был практически пуст: подставка под ручки и карандаши, лежал блокнот, стояло два телефона. Все. Никаких компьютеров или папок с документами. Не увидев решения на мучавший его вопрос, он вновь обратился к сидящим, за приставным столом:

– Давайте еще раз, – произнес он уже спокойно. – Что нам известно. Павел Семенович, повтори, – обратился он к сидящему справа заместителю. – Ты-то, наверняка, помнишь, как на официальных приемах, на нас смотрят, сколько ехидных слов, прикрытых лестью, пускается в наш адрес, а суть одна – нас выставляют дураками, к которым я себя не отношу. Вот и надо не им, а самим себе доказать, что это не так. Мы не будем отчитываться перед нашими противниками о своей работе и ее результатах. И чем позже они узнают о наших результатах, если они будут, тем лучше. Нам неизвестно, что они у нас уже читают из документов, может быть, поэтому и улыбаются так. Говори.

– По имеющейся информации, – начал Павел Семенович, – у АНБ контакты с предприятиями Швейцарии. Они развернули систему электронного шпионажа "Паутина", которая дает возможность с помощью наземных станций, спутников-шпионов, подводных лодок, перехватывать сообщения. К тому же они активно использует эти же средства для общения между собой. Для нас важно, получить ключ к расшифровке, чтобы начать активную игру по дезинформации и прикрытию наших сообщений.

– Если мы хотим начать игру, то должны понимать, что ложь – это искусство, а тонкая ложь, – тончайшее искусство, – заметил генерал, – а все ли мы искусствоведы? Выходит, что нет, если до сих пор ничего не знаем, тем более наши агенты, там. Продолжайте.

– Нам удалось выяснить, где можно получить информацию, кто ей владеет. Сотрудник, направленный для получения информации и ключа, сообщил, что он вышел на контакт, но после этого он погиб в автомобильной катастрофе. Не очень верится, что это случайность. Сейчас нити практически оборваны. Мы делаем вывод, что его ждали. Наш сотрудник прибыл через третью страну, и сменил имя.

– Есть доказательства, что его ждали?

– Частичные.

– Источнику что предложили?

– У него амбиции, что его не ценят, но и предложили сто тысяч швейцарских франков. Он согласился. Это пока все, что нам известно: кто и условия.

– Не так уж и много за информацию. А что касается частичных доказательств, то нельзя доверять ни частичным, ни косвенным доказательствам, из которых напрашивается единственный вывод. Учтите это. Единственное решение меня пока не устраивает. Место?

– Женева. Она по-прежнему остается столицей европейского шпионажа, опережая Вену. В Швейцарии очень трудно работать, она напигована разведками разных стран.

– Да, – вздохнул генерал, – современные технологии позволяют много, что сделать, и достигли серьезных успехов, но человек, по-прежнему, играет важную роль, хотя порой кажется, что она отошла на второй план. Человек сложный механизм, он умеет чувствовать, и вербовать. Что касает-

ся прибытия агента, то Швейцария маленькая страна, там все на виду, и даже если он прибыл через третью, четвертую страну, еще ни о чем не говорит. Значит, так. Раз у вас ничего нет, значит, завтра будет, – заявил он тоном, не терпящим возражений, да и кто рискнул бы возразить. – Завтра жду в десять с предложениями. И помните, прежде чем уволят меня, я успею уволить вас. Всех. Пойдите, улицы подметать, я сделаю все, чтобы вам даже охрану пустого поля не доверили, – и, помолчав, добавил, – а я буду у вас бригадиром. Все. Свободны.

Присутствующие поднялись и потянулись к двери, а генерал произнес: – Виктор Николаевич, задержитесь.

Один из пятерых, остановился. Генерал подождал, когда выходящие закрыли дверь и предложил: – Присаживайся. Я чувствую, что у тебя есть идея, но ты ее не стал высказывать.

– Плохой я профессионал, если вы это почувствовали.

– Хороший, но я тоже профессионал, тем более бывший оперативник и нюх не потерял, да и что я за начальник, если не знаю своих подчиненных. Слушаю.

– Можно вопрос, – и получив согласие, Виктор Николаевич спросил. – Вы уверены, что у нас есть «крот», и что нашего агента ждали?

– Ты член одного маленького клуба.

– Какого, – не понял Виктор Николаевич.

– Кто осмеливается задавать подобные вопросы. Нет,

не уверен. Нет доказательств. Агент сам себя мог выдать, наследить. И что из этого?

– Я предлагаю отправить туда нелегала.

– Ты говоришь о ком-то конкретно?

– Да, – и назвал, кого он имеет в виду.

Генерал задумался. Об этом нелегале он знал, но особо не вникал в его деятельность, ему докладывали о результатах операций, но специально он не интересовался, да и зачем. Чем меньше упоминают нелегалов, тем им спокойнее.

– Ты не стал о нем говорить, потому что опасаясь, если есть крот, то может быть, утечка, и когда придет другой, они будут готовиться?

– Они все равно будут ждать, если это не случайность. Важно чтобы они не знали, с какой стороны он придет. Называть его псевдоним не хотел, присутствующие его могут и не знать, а так запомнят. Не у всех, может быть, допуск к его делам, а назовешь, интерес проявится.

– Разумно. Агентуру надо беречь. Чем меньше о них знают, тем им легче работать, и нам тоже. Я подумаю. Завтра посмотрим, что предложат. Хотя... – он наморщил лоб, – завтра решим, что можно применить в совокупности. Если они ждут, тогда направим агента для отвлекающего момента, а о нелегале говорить не будем. Эту операцию проведем параллельно, но и с минимумом информации.

– А что посланного отсюда агента, сдадим? – удивился Виктор Николаевич, догадавшись о ходе мыслей начальника.

– Ну, зачем же. Он будет просто отвлекать их, чтобы они больше смотрели в его сторону. Можно задействовать даже тех, кто есть в Швейцарии.

– А не будет столкновения между агентами? Они же не знают друг друга, а наш нелегал на очную связь не выходит, – задумчиво произнес Николай Викторович.

– Вообще слабая цепочка к источнику информации осталась. Я думаю, новый агент может попытаться наладить контакт с носителем информации. Не получится ли так, что нелегал прокатится и выступит в роли курьера? Не его уровень.

– Все может быть. Но, к счастью, он может приехать под видом кого угодно. Мы не знаем, чем он занимается в обычной жизни, где живет. Сообщения ему передают во Франции. Это все, что нам известно. Это и помогает ему столько лет работать. У нас не было даже подозрений, что он двойной агент. Все операции, что он проводил, успешны, никакой дезинформации.

– Да, – вымолвил генерал. – Как он столько лет держится. Один живет или есть семья. Удивительно. Но я отвлекся.

– Даже если он будет курьером, то это снижает риск провала нашего агента при наличии у него информации.

– Не подставить бы нелегала.

– Мы не подставим, мы не знаем, в каком качестве он там появится. Риск есть всегда, он знает это лучше нас.

– А это будет твоя задача. Завтра в час дня, придешь отдельно, и мы обсудим. Свободен.

Виктор Николаевич поднялся и вышел. Оставшись один, генерал несколько минут сидел, молча, думая о возможном развитии операции. Он был профессионал и понимал, что использовать нелегала для краткосрочной операции опасно, но кто знает, может быть, это и выход, и это тот единственный шанс, что им предоставлен. Генерал поднял трубку одного из телефонов и набрал номер: – Я сейчас спущусь.

После этого вышел, сказав секретарю, что будет через час, не посвящая его, куда направился. Он знал, что не все дела сотрудников могли принести к нему в кабинет.

2

Я уже не спал, но глаза еще были закрыты, память сна была свежа, и там, во сне, мне казалось, что я чувствую запах хвои, озерной воды и прелых листьев. Мое воображение рисовало мне яркую картинку начала осени в лесу на берегу озера. Я хотел быть там, наслаждаться тишиной, легким теплым ветерком, что срывает листья, и те, с шорохом, ложатся на землю, а я просто сижу, отгоняя мысли, очищая голову от их случайности. Но, увы, я был там, где был. Улыбнувшись, открыл глаза, и увидел привычную обстановку своей спальни. Чувствовал я себя бодрым, выспавшимся, полным сил, и начал мысленно строить планы на день, чуть дальше, но

не забегал далеко вперед, что было смешно при моей профессии. Я думал, что время со мной, и я им могу распоряжаться, хотя бы в эти ближайшие дни. «Хочешь рассмешить Господа, расскажи ему о своих планах» вспомнилась кем-то произнесенная или прочитанная фраза, и улыбка стерлась с моего лица. Да, ошибался я строя планы в эти минуты, но, к счастью, еще не знал об этом, поэтому поднялся с хорошим настроением.

Раздвинув шторы, посмотрел за окно, погода не радовала: моросил мелкий дождь, хотя сквозь тучи пытались пробиться солнечные лучи и им это удавалось. Приоткрыв балконную дверь, я выглянул – сыро. В течение последующих тридцати минут я занимался гимнастикой, чтобы поддержать себя в форме, а затем отправился в душ. Уже позже, войдя на кухню, чтобы приготовить себе завтрак, я заметил, что остатки рваных туч уже покидали небо Парижа.

Приготовив омлет и сварив кофе, я разместился за небольшим столом, наблюдая, как очищается небо и настроение, и так не плохое, поднялось еще на несколько градусов выше. Потребности в спешке идти на работу у меня не было, но это не значило, что я мог весь день сидеть и наблюдать за капризами погоды. Пора приступать к делам. Когда уже выехал на улицы Парижа, чтобы отправиться на работу, то о дожде напоминал лишь мокрый асфальт, да и то в тени, где тот еще не успел высохнуть. Теплый весенний день отвоевывал свое.

Я неспешно двигался в потоке машин, водители которых, как и я считали, что вот у меня есть дела, а вы то, куда все едете? Мой путь лежал к галерее, владельцем которой я являлся. Ранее у меня были иные виды бизнеса, я сумел неплохо заработать и был вполне состоятельным, но теперь была только галерея, она была для души, но и доход приносила. У меня было много знакомых в мире искусства, как во Франции, так и за ее пределами, поэтому жизнь не была скучной. Моя деятельность, как официальная, так и не очень, позволяла мне много, где бывать в мире, но, к сожалению, не всегда по собственному желанию. Я, Жан Марше, француз, галерист, на самом деле был разведчиком – нелегалом, проще шпионом, а именно, Егор Зотов, с оперативным псевдонимом ZERO. Почему ZERO? В «Тайной доктрине» Блаватской Е.П., написано «нуль становится числом, только когда одна из других девяти цифр предшествует ему, являя, таким образом, его сумму и мощь». Это было про меня. Мой нелегальный выход наступал лишь тогда, когда совершалось какое-то событие, не без участия человека. Эти действия, порой незнакомых мне людей, вынуждали меня отвлечься от галереи и интересоваться иными вещами и событиями.

Вот уже много лет я живу в Париже, веду свой бизнес в области искусства, иногда в других областях, где есть возможность получить доход, и жизнь моя – жизнь холостяка. Разве можно жить с кем-то, ежедневно, и не быть искренним, пусть не всегда, но за редким исключением? У меня же все наобо-

рот. Для меня искренность слишком дорогое удовольствие. Сам я с опаской отношусь к человеку, когда меня уверяют в искренности. Мой опыт говорил, что искренность, еще не гарантия правды, и я сам научился лгать, вернее меня этому научили. Ложь, бывает, необходима в моей деятельности. Солгал одному, тот солгал другому, и ложь прошла, потому что последний искренне верил в то, что говорил. Это давало возможность использовать человека вслепую, хотя он мнит себя игроком. Быть лжецом искусство, но и их надо уметь вычислять. Лжец соврав, проверяет вашу реакцию, глядя в лицо, чтобы понять, клюнули вы на ложь или еще надо что-то добавить. Те же, кто говорит правду не прибегают к дополнительным приемам, они верят, что им поверят на слово. Вот последним, мне чаще и приходилось прикидываться. Я в своей жизни двигался сквозь время, смотрел вокруг, запоминал, наблюдал.

Так в размышлениях о своем бытие, я становился у светофора. Рядом был «парковочный карман», где уже стояли автомобили. Мое внимание, по привычке смотреть туда, куда надо смотреть, привлек один автомобиль, темно-зеленого цвета, на заднем стекле которого, было наклеено «ароматы для дома» и указан телефон. Не знаю, продавали ли там действительно ароматы, но машина стояла там, где должна стоять в определенное время. Я запомнил номер телефона и поехал дальше. Припарковал машину возле галереи, что располагалась недалеко от центра, которая была уже час, как

открыта. Это не ее открыли рано, это я позволил себе приехать поздно. Войдя внутрь, свернул направо, где за столом сидела моя помощница, Элен, она же директор, по образованию искусствовед, высокая, стройная женщина, и что-то просматривала в каталоге. Не задавая вопросов, чтобы не отвлекать ее от трудов праведных, я разместился рядом со столом на диване и окинул взглядом салон, больше никто из других моих сотрудников в поле зрения не попал, но они были где-то здесь.

Элен подняла голову, посмотрела на меня и с ехидством поздоровалась:

– Добрый день.

– Доброе утро, – понял я ее.

– Это для тебя утро, – улыбнулась она и вернулась к каталогу.

Несмотря на дообеденное время, в галерее находилось несколько человек. Сама галерея состояла из двух залов: в основном, вдоль стен с потолка на бесцветных шнурах висели полотна, которые отступали от стены на два-три сантиметра, и за счет этого создавалась иллюзия пространства и уюта, и малый зал с гобеленами и прочими видами мира искусств. Элен, просматривая каталог, тем не менее, успевала наблюдать за посетителями, что были в ее поле зрения, чтобы, по только ей понятному движению, прийти им на помощь.

Я обратил внимание на группу из трех человек: двое муж-

чин и одна женщина. Судя по моему опыту, это были иностранцы. Один из мужчин был седовлас, в строгом темном костюме, покрой которого указывал, что он не лишен тщеславия. Его спутники были одеты более просто: мужчина по-моложе был в джинсах и куртке, дорогие ботинки. Мое же внимание привлекла женщина. Была она среднего роста в джинсах и в легком, свободно сидящем свитере, под которым я угадывал крепкие и манящие груди, что не возможно было скрыть одеждой, и узкую талию. Туфли на высоких каблуках делали ее еще выше и стройнее. Золотисто-каштановые волосы свободно спадали на плечи.

Пока я рассматривал их, старший посмотрел в нашу сторону, я понял его взгляд и бросив Элен: – Я сам, – направился к посетителям, чувствуя ее ехидный взгляд на своей спине, там же была женщина. Когда я к ним подошел, то седовласый, оценил меня взглядом своих темных глаз. Оба его спутника тоже смотрели на меня, но я пока на них не отвлекался, поняв, кто из них главный и представился: – Жан Марше, владелец этой галереи, – и обвел взглядом зал.

– Это надо полагать молодой художник, – не спрашивал, а утверждал седоголовый, не поворачиваясь к картинам, возле которых мы стояли. Голос его звучал спокойно, вежливо и даже как-то безразлично, давая понять, что за ним власть. Его поворот, как я заметил ранее, был движением незаурядного человека, знающего себе цену. Я мог не смотреть на картины, так как знал, где и что висит в галерее.

– Да, – подтвердил я его догадку, – это молодой французский художник Симон Фарер. Его отличает стиль – строгий и холодный. Он, обычно, любит изображать улицы, людей. Но обратите внимание, – повернулся я к картинам. – Во всей холодности красок, всегда есть место, где краска проявляется ярче, как бы требуя обратить на себя внимание, например этот луч солнца, – указал я на одну картину, – платье женщины на другой или книга, лежащая на парковой скамейке. Всеостальное, как бы служит фоном, этот контраст и привлекает. Это открытие в мире художников. Мы проводили его выставку и у меня с ним контракт.

Я знал Симона уже пару лет. Он пришел как-то утром, чтобы показать свои работы, мне было лень рассматривать, но Элен настояла, и была права. Сначала я не придавал значения его эскизам, но, просмотрев несколько, что-то меня стало привлекать, и лишь потом я понял, что. Тогда я попросил показать оригиналы, и на другой день в его студии уже видел подлинники. Мы заключили контракт, провели выставку, где, как всегда, собрались тусовщики, пили шампанское, ели бутерброды, с умными лицами рассматривали картины. На самом деле разбирающихся в картинах, было не более пяти человек, но в итоге статьи вышли положительные, и вот Симон выставлялся через мой салон.

– Несколько грустные картины, – произнесла женщина.

Эта фраза, дала мне возможность повернуться к ней и лучшее ее рассмотреть. Кожа ее была смуглой, большие мин-

далевидные глаза карего цвета. Она была красива по-настоящему. Выразительные черты лица лишь усиливали ее притягательность.

– Это как посмотреть, – возразил я. – Мы часто воспринимаем искусство в зависимости от своего настроения. Мне эти картины внушают надежду.

Она улыбнулась, чуть склонив голову, от чего выражение ее лица выглядело лукавым, а улыбка была по-детски естественной.

– На что?

– На будущее, на встречу с прекрасным, – ответил я, стараясь вложить в свою интонацию другой смысл, который она поняла.

– Картины мне нравятся. Я возьму две, – вступил в разговор седовласый, и указал какие.

– Это хороший выбор, – одобрил я. – Вы разбираетесь в искусстве.

– Немного, – пожал он плечами. – Неизвестно, что может в жизни пригодиться. Завтра за ними придут.

– Хорошо.

– Спасибо за информацию, дальше мы сами, – дал он мне понять, что в моих услугах больше не нуждается.

Я вернулся к Элен и сообщил ей, что две картины куплены, их надо снять и подготовить, завтра за ними заедут, а также посоветовал, что повесить на освободившиеся места.

– Без твоего ценного указания, я бы об этом никогда не

догадалась, – усмехнулась она.

– Но должен, же я, хоть как-то обозначить свое присутствие здесь в качестве владельца.

Мы немного поспорили о том, что повесить на освободившиеся места и пришли к выводу, основанному на ее доводах.

Беседуя с Элен, я помнил о телефоне, и чувствовал, что скоро моя спокойная жизнь закончится, и должен буду приступить к очередному заданию, покинув Францию, так как никаких заданий во Франции я не выполнял, это было мое жесткое условие. Я здесь жил и восстанавливал силы. Надо подготовить Элен к моему отъезду.

– Послушай, дорогая, а как ты смотришь, на то, что я зашел в Париже? – обратился я к ней.

– Устал, – притворно вздохнула она.

– Устал, но я здесь не зря?

– Не зря, – согласилась она. Ты умеешь обхаживать клиентов. Вон, господин, Мисаки приезжал, как ты его обхаживал. И он купил несколько картин.

Мисаки был моим давним знакомым из Японии, такой же галерист, как и я. Это был приятный и опытный специалист. Он, когда приезжал во Францию, обязательно заходил ко мне, чтобы посмотреть новинки, поговорить, что-то обсудить.

– Это моя работа, а Мисаки перепродаст эти картины. Он спекулянт.

– Это не наше дело. И куда на этот раз?

– Еще не знаю, надо подумать. Ты без меня справишься?

– Нет, конечно.

– Я вот тобой все больше восхищаюсь. Чтобы я без тебя делал!

– Видимо то же самое, но с другой.

– Ты на что намекаешь?

– Уж, точно не на разбитое сердце. Хорошо, что я замужем.

– Одно другому не мешает.

– Не с тобой. Если в тебя погрузиться, то уже не вылезешь.

– Да, я такой. Трясина, одним словом.

– Вот потому и один.

– Все, началась критика. Что-то давно я не видел Николая.

Элен усмехнулась. Я подошел к ней, приобнял и поцеловал в волосы: – Я завтра буду. Жди.

Выйдя из галереи, я поехал в направлении Монмартра, где у его подножия и оставил машину. Поднимаясь в гору, я увидел будку телефона-автомата и зашел в нее. Едва снял трубку, как к будке подошел мужчина средних лет, невысокий, плотный. Был ли это случайный желающий позвонить или он хотел засечь набираемый мной номер, я не знал. Я быстро нажимал клавиши, используя отработанный метод, которому меня учили, готовя к работе во время практических занятий по наружному наблюдению. При наборе номера я быстро менял пальцы руки, и это практически неуловимое движение, позволяло не дать возможности понять, ка-

кой номер я набираю.

После непродолжительных гудков, мне ответил женский голос:

– Ароматы для дома, слушаю вас.

– Мне нужен месье Давид. Это Филип.

– Его нет, но он передал мне, что ему позвонят. Извините, мы не можем выполнить ваш заказ, но что-то похожее он видел в «Галери Лафайет».

– Спасибо, – ответил я, и повесил трубку.

Вот и все. Коротко и ясно. Тайник в «Галери Лафайет». Оставалось извлечь его. Дело, в общем, не сложное, но требующее осторожности и внимания. Тайник был в туалете. Два – три человека, если знали о закладке, могли отследить, что информацию изъяли. Для этого достаточно меняясь заходить в кабину, после каждого посещения незнакомца, и проверять, исчезло то, что заложено, или нет, а дальше сопроводить того, кто изъял. Гарантий, что тайник чист, мне никто не давал, а потому надо было принять соответствующие меры.

Поднявшись на Монмартр, я зашел в небольшой магазин по продаже картин и прочих «видов искусства», к коим относились и сувениры в этом магазине. Покупателей в магазине не было, за небольшим столиком у окна сидел мужчина и, скучая, читал газету. Это был Николя. Когда прозвенел колокольчик, открываемой мной двери, он поднял голову и добрая, приветливая улыбка осветила его скучное лицо,

словно блудный сын вернулся в родные стены.

– Ты будто возник из моего кошмарного сна, – пробурчал он вместо приветствия. – Я уже думал, с тобой что-то произошло. – Он поднялся: – Ты ли это? Где тебя носит? Когда остепенишься?

Николя, мой друг, владелец художественного магазина, здесь же Монмартре. Было ему за шестьдесят, но это не мешало нам дружить. Был он среднего роста, с круглым лицом, на котором выделялись чуть отвисшие щеки, а с волосами на голове, как он сам говорил, давно расстался. Небольшой живот свисал поверх ремня брюк.

– Не надо так много вопросов, – ответил я, улыбаясь ему в ответ. – Я их просто не успеваю запомнить.

– А! И не надо, – махнул он рукой. – Я и так все сам тебе скажу. Пошли, посидим, выпьем вина, – сказал он утвердительно. Николя позвал свою помощницу, чтобы присмотрела за магазином, и мы направились в наше кафе, что располагалось на площади Тертр (Place du Tertre). Расположились мы на веранде, куда нам сразу принесли бутылку вина, зная наши пристрастия, и два пузатых стакана. Николя взял бутылку и стал наливать вино, которое издавало булькающий звук, наполняя стаканы, а затем, он приподнял свой стакан в знак приветствия, я сделал также.

– Так, где был?

– Как всегда ездил. Дела

– Ты так часто исчезаешь, потому что твой дом пуст, –

произнес он, отпив из стакана. – Ты там один. Ты еще не стар и твой дом должен наполняться голосами, тогда ты будешь чаще в нем бывать, а ты его наполняешь мыслями, от которых сам и бежишь. Дом мыслями не наполнить.

– Тогда я буду убегать от голосов, – засмеялся я.

– Это только, кажется, – и немного помолчав, продолжил говорить, но я уже погрузился в свои размышления, под его тихое ворчание, по поводу моего исчезновения, и прочего.

– Жан! Ты меня слышишь? – вдруг донесся до меня голос Николя, и я выполз из своих мыслей. – Ты куда пропал?

Мне было от чего погрузиться в мысли. Кто ставил сигнал, кто закладывал информацию, я не интересовался, и встречаться ни с кем не хотел. Это была моя страховка от провала. Предают только свои, и поэтому меня не знали в лицо. Информацию я извлекал в зависимости от ситуации и места, иногда изменив свою внешность, кто знает, вдруг кто-то окажется, слишком любопытен. Сам ли он или его коллеги. У меня было достаточно недоброжелателей, но часто они не знали, что я – это я, Жан Марше. Их сложно судить. Мир меркантилен и деньги часто перевешивают чашу весов, на которой лежит моя безопасность и свобода, хотя, что греха таить, я тоже меркантилен и относительно состоятелен, что дает возможность свободы. Все свои операции продумывал сам, сам и финансировал. Я был независим. Чем плох нелегал, живущий во Франции много лет и никому почти не известный, не требующий денег, к тому же я оказался не пло-

хим бизнесменом. Но я сам выбрал это путь, и сворачивать с него уже поздно, да и не хотелось.

Так вот, я думал, что мне приготовили на этот раз, и вопрос Николая вызвал меня из моих мыслей.

– Да, здесь я, здесь,

– Да? Тогда повтори, что я сейчас сказал.

– Дела мои не так плохо идут и можно думать о расширении, но мучают два вопроса. Первый – надо ли мне это? Хотя соседний магазин продается и можно объединить, да и будет чем заняться. Второй – где взять деньги, не обнуляя счет? Верно? – задал я ему вопрос, повторив все, что он говорил только что.

– Да, я сам не смог бы повторить все, что только что говорил. Ну и память.

Откуда ему было знать, что, даже погружаясь в мысли, я не отключал память и слух. Меня этому учили, и учили достойно. Только дома я мог быть самим собой, а чаще был тем, кем был.

– Я еще молодой.

– Это, верно, – вздохнул Николая. – Я вот тут, как-то был на окраине...

– Да ты что!?! – перебил я, зная, его нежелание куда-либо спускаться с Монмартра. Да и что ему было делать в другом Париже. Он был давно разведен, жил один, а были у него дети или нет, он не знал, во всяком случае, никто не объявлялся, хотя племянников и племянниц он баловал.

– Старый друг позвонил, пригласил, вот я и решился. И знаешь, я увидел, как помолодел Париж. Это у меня годы оставляют отметины на лице, и все заметнее.

– Не у тебя одного. Ты еще в хорошей форме.

– Все относительно, но память вот, не как у тебя уже, но ты моложе и у тебя в голове больше места. А моя память, как старый чердак забита всяким хламом, и пока ищешь нужную вещь, либо забудешь, зачем она, либо найдешь по пути то, о чем давно забыл, и уже не до того, что ищешь.

– Это у всех бывает, не зависимо от возраста, – лениво ответил я, потягивая вино, – а что касается твоих сомнений, то, может быть, я помогу.

– Ты серьезно?

– Почему нет? Правда, я об этом только сейчас подумал, когда произнес. Мне пора. Подумай и ты.

Я поднялся, положил деньги на столик и подвзглядом Николая, выставил ладонь вперед, пресекая его возражения об оплате: – Еще увидимся. Пока.

Я вышел с веранды и, смешавшись с толпой туристов, осаждавших магазинчики, художников и закусочные, спустился вниз по улице Кальвадор, к улице Габриэль. Подошел к своей машине, но садиться не стал, а направился на свою другую квартиру, откуда вскоре вышел мужчина лет пятидесяти, скромно одетый, чуть сутуловатый, с небольшим еле заметным шрамом на левой щеке. Я умел перевоплощаться, иногда, это было необходимо.

– Не теряй свои навыки, и тогда риск снизится, – говорили мне. Кроме способности перевоплощаться, я умел внимательно наблюдать. – Ты должен видеть все, слышать все.

Это я умел, и сегодня продемонстрировал это Николая. А что я ему мог еще продемонстрировать в качестве своих навыков и привычек? Я научился даже не привыкать к людям. Мне говорил Ветров, мой наставник по учебе, что «в том мире, куда ты отправляешься, все иначе. Там ты будешь заботиться о себе только сам. Иного не дано. Там, в твоей иной, новой жизни, нет места для других людей. Как бы ни было, они только все усложняют»

И вот я выбрал иную жизнь, в которой не было близких мне людей. Я не хотел привыкать, и чтобы привыкали ко мне. Я чувствовал ответственность, не подпуская к себе близко никого, оберегая их от проблем, порой не совместимых с жизнью. Были иные нелегалы, которые работали парами: муж и жена. Были и те, кто женился уже на месте. Но все это было не для меня. Сложно жить, каждый день, обманывая человека, с которым живешь.

Тогда Ветров, увидел во мне потенциал и вмешался, предложил нечто большее, чем простую гражданскую жизнь. Я ее и получил, эту новую жизнь, которая, как ни странно, подошла мне или я ей, хотя тогда, когда давал согласие, еще не осознавал этого. Мое истинное «я» было скрыто, и я овладел искусством жить в тайне, в одиночестве. Хотя не чурался женщин. Я научился быть другим, научился перевопло-

щаться, сливаясь с окружающим миром. И в этом мире, моем мире, другим не было места возле меня.

В «Галери Лафайет» всегда многолюдно. Я потолкался в толпе, поднялся на шестой этаж и зашел в Lafayette Café, откуда открывался восхитительный вид на Париж, взял венскую выпечку, кофе, и, наслаждаясь, посматривал по сторонам. После кофе, там же, на этаже, я зашел в туалет, остановился у зеркала, ополоснул руки, наблюдая, за теми, кто заходит в кабинки. Нужная кабинка освободилась и я, зайдя, запер дверку, и, нащупав под трубой унитаза маленький целлофановый пакетик, отлепил его. Выдержал паузу, спустил в унитаз воду, и лишь затем вышел, направившись к умывальнику, повторив процедуру мытья рук, проверяя, кто войдет следом за мной. Никто не вошел. Я еще побродил по переходам, заглядывая в магазинчики, и лишь убедившись, что в мое поле зрения никто подозрительный не попал, вышел на улицу. Вернулся на ту же квартиру, чтобы прочитать информацию и вернуть себе прежний вид. На небольшом листке бумаги было зашифрованное сообщение. «Необходимо отправиться в Швейцарию. В Женеву. По прибытии дайте телеграмму. Необходимо забрать информацию», а также было указано время и место встречи, если для меня будет в этом необходимость. Решения я принимал сам, но вот в роли курьера еще не выступал, видимо там есть проблемы.

Коротко и ничего не ясно. Куда дать телеграмму, от кого и кому я знал. Значит то, что мне предстояло добыть, нахо-

дится под колпаком, было для меня ясно. В зависимости от ситуации мне и скажут, что и зачем.

Когда я вернулся к машине, то вечер уже вступал в свои права, и улица была более оживленной, чем днем. Стоял погожий вечер и парижане спешили по делам, просачиваясь сквозь толпы туристов, которые останавливались поглазеть на витрины. На открытых верандах, за столиками кафе, посетители нежились в лучах заходящего солнца, любуясь городом. Они смеялись, разговаривали, помешивали кофе, пили сок. Париж заражал своим праздничным настроением каждого, а праздник в Париже каждый день, для того, кто его хочет.

Такая атмосфера не располагала к домашнему затворничеству, и я сев в машину, направился в бар к Анри.

3

День подходил к концу, уже начало смеркаться. Шум уличного движения не стихал, даже в это время суток. Теплый воздух был пронизан пылью и запахом выхлопных газов, который отскакивал от домов и асфальта, тащась вслед за автомобилями. Из открытых дверей ресторанчиков и кафе доносилась музыка, и я чувствовал приятный запах кофе и выпечки. Ехал, медленно опустив стекло и наслаждался этим шумом и запахом Парижа, который я не просто чувствовал, я его ощущал. Настроение было лирическим и требовало эмоционального адреналина.

Место для парковки нашлось возле бара, и вскоре я вошел в помещение. Мне нравилось здесь: уютная обстановка, слабый полумрак, так чтобы можно было видеть лицо собеседника, не напрягая зрения. Бежевые стены были разбиты на квадраты, в которых часть занимали зеркала, а часть была завешана гобеленами и картинами импрессионистов. С потолка свисали медные люстры. Я познакомился с Анри, когда он делал ремонт бара, и подбирал картины в магазине Николая, чтобы повесить их в зале. Осмотрев помещение, и кивнув нескольким знакомым, прошел к барной стойке, за которой стоял Анри.

– Привет, Жан, Что будешь?

– Сок.

Он кивнул головой и, поставив на стойку высокий стакан, наполнил его наполовину виноградным соком.

– Ждешь, кого или просто так? – поинтересовался он.

– Просто так. Поговорить, если будет с кем.

– Ну, этого добра у меня хватает, – улыбнулся он.

В баре Анри были постоянные клиенты. Многие знали друг друга и, как и сейчас, сидели за столиками, в беседе коротая вечер.

Боковым зрением я увидел, что на барный табурет, рядом со мной села женщина, повернул голову – это была Жаннетт, женщина, что надо: рыжие, как, будто взлохмаченные волосы, красивые губы, а ярко выделявшиеся черные глаза, внимательно посмотрели на меня.

– Привет, Жан.

Мы были знакомы, и иногда встречаясь здесь, разговаривали, не вдаваясь в личные темы. Я окинул ее взглядом. У нее были длинные стройные ноги, практически идеальная фигура с красивыми бедрами, которые обтягивало темное, короткое платье, треугольный вырез которого, открывал моему взору безупречную грудь. Она закинула ногу на ногу, и я понял, что ноги у нее от самых плеч, и показавшийся краешек чулка, на стройной ноге, лишь подтвердил, что на такие ноги, длины чулок не хватает. На эти ноги я и уставился. Затем поднял голову и встретил ее насмешливый взгляд.

– На тебе слишком много надето, – сообщил я ей.

– Я знаю. Это намек?

– Грубая попытка.

– Сделай ее нежнее, – посоветовала она,

Анри поставил перед ней бокал красного вина и улыбнулся глазами. Бармены все слышат и видят, и лишь делают вид, что очень заняты. Когда она ко мне обращалась, я заметил ее грустные глаза.

– Я вижу грусть.

Она легко вздохнула: – Если бы только она.

– Такая красивая не должна грустить. Я тебя такой не видел.

– Такая красивая должна как-то жить, а это не так просто, как иногда кажется. Я приняла решение, но боюсь ошибиться и выйти замуж не за того человека, надеясь на то, чего

там нет. Пусть я слишком цинична, Жан, но ты бы удивился, если бы узнал, как много девушек выходит замуж, чтобы иметь дом, семью. И все.

– Я удивился, – ответил я, и в голове мельком проскочило, что я уже не первый раз слышу подобное, когда знакомые женщины сообщают мне о предстоящем замужестве, словно предлагают мне участвовать в их выборе. Звучало это так, что они вынуждены это делать и тайно надеялись, что я их спасу от этого поступка. Но я точно не был спасителем в этой области человеческих отношений, и уж тем более, не собирался предлагать себя в качестве альтернативы.

– Ты женат?

– Нет, – покачал я головой, – и пока не собираюсь. Значит, ты сделала выбор, но сомневаешься. Он знает о твоих сомнениях?

– Нет, разумеется, но сомнения касаются только чувств, а так он надежный.

– И ты пришла, чтобы поведать свои сомнения бокалу? – кивнул я на вино.

– Я пришла, чтобы не быть одной. Он уехал на два дня, а я решила, что не помешает окунуться в иную атмосферу, и кто знает, может быть, разобраться во всем. Надо ли мне все это?

– Да, сложное решение, но ты классная девушка и не останешься одна в любом случае.

Жанетт усмехнулась: – Класс – качество, которое легко

растворяется в вине.

– Мне остается только предложить помощь, чтобы проверить, не потеряла ли ты класс и разобралась в себе.

Жанетт взглянула на меня. В ее глазах блеснули искорки дьявола, в которых я увидел желание и похоть, и она без тени смущения произнесла: – А это мысль, и очень не плохая, но я подумаю.

В это время в зеркало, что было позади Анри, я увидел входящую в бар женщину, которая была мне знакома. Я не знал, как ее зовут, но это была та, из галереи. Сейчас она была одна. «Ну, вот, – подумал я, – веду разговор с одной, а не прочь познакомиться с другой».

Незнакомка окинула взглядом зал, высматривая кого-то, и, не найдя, направилась к стойке.

В зеркало я увидел, что на ней была черная кожаная юбка, кожаный жилет поверх голубой блузки, и короткие сапоги на высоких каблуках, цокавших по полу бара. Подойдя к стойке, она произнесла: – Красный мартини.

– Извини, – обратился к Жанетт. – Клиентка, – и повернулся к незнакомке. – Добрый вечер.

Та посмотрела на меня удивленно и, узнав, мило улыбнулась: – Добрый, вот уж не ожидала встретиться.

– Париж маленький город, но скорее всего это внутренние импульсы. Вы специально пришли одна? – провоцировал я ее.

– Нет, скоро подойдет мой коллега.

– А вы можете уделить мне несколько минут? – попросил я.

– Разумеется.

– Я вернусь, не уходи, – сказал я Жанетт, и направился вслед за незнакомкой к столику. Она шла легко, бедра, обтянутые юбкой, чуть покачивались. Когда мы разместились за столиком напротив друг друга, то я обратил внимание, что глаза ее стали почти черными.

– У вас изменился цвет глаз, – поделился я наблюдением.

– Вы заметили, какими они были днем, – сделала она вывод. – Да, они имеют свойство меняться. Что вы еще заметили? – Она сидела не шелохнувшись. Глаза ее были темные, как греховная ночь. Ничто не могло обмануть красоты этой женщины. Да, сделал я вывод, она могла сильно измучить мужчину, если попасть к ней в ловушку, но не меня.

Когда я начинал разговор с незнакомым человеком, как сейчас, я сосредотачивался на голосе собеседника. Я слушал, что он говорит, как произносит слова, и тогда определял, в каком он настроении. Ошибки бывали, но редко. Эта незнакомка вела себя уверенно, спокойно, но в тоже время в ней была игра, начатая еще в галерее, она флиртowała, уверенная, что выиграет.

Я не собирался ее разочаровывать в отношении себя, а потому ответил: – Я думаю, вы иностранцы. Седовласый слишком строго одет для француза, особенно днем, да и акцент есть.

– И откуда мы?

– Зовите меня просто, Жан, – предложил я, чтобы сократить дистанцию общения.

– Анна Гранди.

– Что-то похоже на Швейцарию.

– Bravo! – И Анна, взяв бокал с мартини, отпила. – Все верно. Наш старший спутник – господин Биш, сотрудник консульства, а Ули Пикар, мой коллега. Мы с Ули приехали по делам и завтра уже уезжаем, а в салон зашли, потому, как нас попросил Биш, я его знаю через своего отца. Ему надо картины в консульство, вот он и попросил нас составить ему компанию. Мы просто знакомы.

– Вы разбираетесь в картинах?

– Нет, просто смотрю, нравится или нет.

– А Ули?

Анна засмеялась: – Тем более. Для искусства нужно воображение, а он ввиду отсутствия большого воображения честен, но зато, это важно для бизнеса.

– Согласен, когда смотришь на картину, то судить о ней можно лишь тогда, когда чувствуешь, что у тебя что-то происходит внутри, и дает волю воображению.

– А как ты определяешь, что искусство, а что нет?

– По цене, – ответил я с улыбкой. – Чем выше цена, тем больше ценность картины. Кто-то сказал «в мире есть две вещи, которые имеют ценность – информация, и произведения искусства, все остальное имеет стоимость».

– Но ты, же сам назначаешь цену, – засмеялась Анна.

– Действительно, – придал я выражение изумления своему лицу. – Значит, я и определяю ее ценность, – ответил я игриво.

– Вот они скромные вершители мира искусства.

– Да, мы такие тихие. Вот, возьми, – и я протянул ей визитку. – Звони, приходи, и в тишине, я расскажу тебе о мире искусства.

– И все?

– Может быть, я даже нарисую тебя, – сказал я, придав фразе иной смысл.

– Не сомневаюсь, в каком виде я должна быть. У тебя талант художника?

– Совсем нет, но захотелось, – и коротко засмеявшись, прошептал. – Это было бы забавно. Ну, а если я буду в Швейцарии...

– Зачем? Ищешь таланты?

– А что нельзя? – спросил я сухо.

– А почему ты злишься?

– Это мой очередной трюк. Их у меня много и все коварные.

– Ну, что же коварный, Жан. Приедешь, звони, – и она достала из сумочки визитку, протянув в ее мне. На визитке было только имя и телефон.

Знала бы она, сколько у меня трюков в арсенале. Без них я был бы просто гол.

– Это трюки коварные, а сам я прост, – поделился я. – Я вижу то, что вижу и не пытаюсь в отличие от большинства видеть только то, что хочу видеть. Я не упрощаю мир, чтобы найти подтверждение собственному видению. Сейчас я вижу красивую женщину, которая чего-то хочет, но не знает, как это взять.

Анна удивленно смотрела на меня, а когда я закончил фразу, сказала: – Первое неверно. Что я хочу я знаю. Второе, как это получить, действительно вопрос, – в ее глазах я прочитал вызов.

– Может быть, потом получится, – сделал я предположение, которое она поняла.

– Не исключено.

– Надеюсь, а пока я вижу вошедшего в бар вашего спутника – Ули.

Я действительно заметил, как он вошел и осматривает зал. Заметив Анну, он направился к столику: – Приятная встреча, – произнес он. – Я не помешал?

Вопрос был чисто из вежливости. Покажите мне мужчину, которого ждет такая женщина, и чтобы еще кому-то мешать при этом. Я бы выбил нахала из бара.

– Я развлекал вашу даму, но мне пора, – поднялся и, попрощавшись, направился к стойке, где Жанетт не позволяла занять мой табурет. Это приятная, неожиданная удача, что в Швейцарии у меня теперь есть еще знакомая, кроме искусствоведов, и есть повод появиться там.

– Отказала, – сочувственно произнесла Жанетт, но в ее голосе я уловил нотки ревности.

– Даже не пытался. Они сегодня были в моем салоне, вот мы и поговорили об искусстве, – делал я вид, что оправдываюсь.

– В жизни есть вещи, поважнее искусства.

– Не могу не согласиться, особенно сейчас.

Мы еще посидели, поговорил на пустые темы, и я понял, что пора: – Я собираюсь домой. Тебя проводить?

– Это, смотря куда.

– Вот и решим.

Я рассчитался, и мы вышли на улицу. Небо над городом походило на раскинувшийся темный свод. Звезд не было, они вообще редкость в небе Парижа, а тут еще накрапывал мелкий дождь и под ногами блестел мокрый асфальт.

Я не спрашивал Жанетт, куда ей надо, а открыл дверь машины. Она, без слов села на переднее сиденье, я сел за руль. Мотор завелся легко, и мы устремились по ночным улицам Парижа, освещаемых рекламой и фонарями. Дворники счищали со стекла капли дождя. Жанетт прижалась к моему плечу, и путь до моего дома мы проделал молча. Она погрузилась в себя.

Дома я предложил ей пройти в комнату, а сам без суеты и спешки, двинулся на кухню, где достал из холодильника бутылку шампанского и, прихватив два фужера, вернулся в комнату к Жаннетт. Она стояла возле окна. Ее изумитель-

ная фигура, обтянутая коротким платьем, четко выделялась в слабом свете бра, висевшего на стене. Я затаил дыхание. Жанетт рассматривала гобелен, мгновение спустя, одной рукой она поправила волосы, и в этом легком движении чувствовалось что-то неуверенное, но в остальном я чувствовал, что она исполнена решимости, словно собиралась сделать что-то важное. Увидев меня, она улыбнулась.

– Мы не сказали ни слова с тех пор, как вышли из бара.

– Я не хотел тебя беспокоить, чтобы ты сама решила.

– Ты, видимо, без лишних слов намерен уложить меня в постель. Так?

– Такая мысль не покидает меня.

– И ты думаешь, что от бутылки шампанского я превращусь в женщину легкого поведения? – насмешливо спросила она.

– Про поведение не знаю, а отношения, да.

Жанетт посмотрела на меня: – Пусть в этом доме останутся только приятные воспоминания обо мне, и я бы хотела, чтобы было, что вспомнить. И если у меня есть грезы, чтобы они не умерли.

– Ты находишь, что сегодняшней вечер – грезы?

– Я всегда нахожу то, что ищу, но, увы, когда нахожу, порой не понимаю, зачем искала.

– И сейчас?

– Нет.

Она подошла ко мне, взяла у меня бутылку, фужеры и по-

ставила на стол, прижалась ко мне, и я почувствовал ее упругое тело, которое горело даже сквозь платье.

– Не надо заливать вином, огонь души, пусть выгорает, – прошептала она.

– Когда душа выгорает, всегда что-то остается.

Уснули мы, когда стало рассветать. Жанетт была восхитительна. В ней чувствовалась не растраченная страсть, как будто она берегла ее специально для этого дня, а может быть, понимала, что должна отдать, так как не была уверена, что потом сможет также, и она отдавала себя неистово.

Утром я сварил кофе, и мы сидели на кухне за столом.

– Еще вчера вечером я была на грани истерики, и была готова, бросить жениха, но утром разум просыпается, и гасит чувства. Если бы все произошло между нами раньше. Ты хотел этого?

– Конечно.

Я не лгал, но и не мог сказать ей, что наши отношения не могли бы быть длительными. Зачем мне эти расставания с обидами. Я себе этого не мог позволить. Ночью все было взаимно, без намеков на продолжение, и она это знала, что устраивало обоих.

– Боялся, откажу? – усмехнулась она.

– Нет, но не ставил это целью.

– А зря, хотя, может быть, и правильно, – кивнула она головой. – Ты должен жить один, иначе ты не сможешь, а жен-

щина рядом с тобой всегда будет думать, что ты не полностью ей принадлежишь. В тебе живет смесь страсти и холодности. Ты не ищешь женщин, они сами тебя ищут, но не все находят, как я. Знаешь, у тебя для твоего возраста удивительно красивое тело, нет даже намека на жир или складки. Это удивительно. Во всяком случае, я не жалею о своем вчерашнем порыве.

– Очень на это надеюсь. Тебе теперь легче выбирать?

– Из кого? – фыркнула она. – Выбор был «да» или «нет», и я выбрала.

– Вот и умница.

Я поддерживал разговор, чтобы не молчать, но вскоре она стала собираться, оделась, и я вызвал ей такси. Прежде чем уйти, она сказала: – Удачи. Может быть, когда-нибудь, еще... – и не закончив фразу, вышла.

Я, с неким чувством облегчения, вернулся на кухню. Посмотрел за окно, где светило нежаркое солнце, небо было чистым, что улучшило настроение.

Я прошел в душ, где стоял, раскинув руки, уперев их в стены, минут двадцать. Вода стекала по голове, телу. Стоял неподвижно, и это помогало мне вырваться из прошлого, куда меня возвращала память, где я часто лгал другим и самому себе, где не мог быть откровенным и искренним. Мои чувства к женщинам были искренни, но на короткое время. Я был на мгновение тем, кем хотел быть – собой. Выключив душ, я, медленно растираясь полотенцем, вспомнил сло-

ва Жанетт о моем теле. А как иначе? Моя профессия требовала отличной физической формы. Я должен быть всегда готов к забегу на длинные дистанции. Вот только не знал, где финиш.

Вот я и поддерживал форму, занимался дома, в спортивных залах, которые арендовал, где отрабатывал технику рукопашного боя, отрабатывал технику стрельбы «флэш», которая спасла мне жизнь, но свою отдал мой учитель. Его послали за мной, когда я срочно покинул одну из стран, но я опередил его. А то, что он пошел, так он не знал, что это я, да если бы и знал. Он был наемный убийца, и это была его работа, а у меня была своя. Меня учили не убивать, а выживать, а если и убивать, то только по здравому смыслу. Это только кто не сталкивался с убийством, может подумать, что убивать легко. Нет. Но мне приходилось это делать, чтобы сохранить свою жизнь, которую хотели прервать. А та жизнь нелегала это не приключения из погонь и перестрелок, это рутина, ежедневная рутина из наблюдений, анализа и прочих не самых интересных вещей.

Выйдя из душа, я решил, что не буду готовить завтрак и покупать круассаны в булочной. С улицы, через приоткрытую балконную дверь, доносился приглушенный звук парижского утра, а солнечный лучик дерзко пробивался сквозь шторы. Я чувствовал себя превосходно, несмотря на почти бессонную ночь, и решил, что лучше позавтракать в кафе на улице. В это время там тихо и малоллюдно, и там я могу

устроиться за столиком с чашкой кофе и газетой. Это доставляло мне истинное наслаждение.

Признав, что решение правильное, я оделся и вышел из дома под ласковое солнце.

4

– Элен, я решил куда поеду, – заявил я с порога, едва вошел в галерею, и замолчал, в ожидании вопроса, но она лишь смотрела на меня спокойным, ироничным взглядом. В ее глазах не было даже любопытства, только уголки губ чуть изменили ее красивые черты лица. Подойдя к ней, я плюхнулся на диван, и сдался: – Твоя взяла, ты даже не интересуешься, куда я поеду, с вкрадчивой улыбкой произнес я. – Почему Элен? Неужели, тебе все равно?

– Ты сам все расскажешь, – улыбка ее стала шире.

– Неужели, я настолько предсказуем?

– Вот уж, точно нет. У меня иногда возникают подозрения, а человек ли ты? С виду обаятельный, остроумный, но что у тебя внутри, даже боюсь представить. Я чувствую, что ты можешь быть жестким, заметь не жестоким, а именно жестким, и я бы сказала, бессердечным. Нет, предсказать тебя невозможно, и... в этом есть твоя привлекательность.

– Элен, – я положил руку на сердце, придал голосу некую обреченность, как человек, который рассчитывает, что его если и не поймут, то простят и поверят, и с некоторой долей надежды, глухо произнес. – Поверь, у меня в груди бьется простое человеческое сердце, доброе и очень горячее. Хо-

чешь послушать?

– Нет, ты не человек, а ошибка природы, – засмеялась она, – но вынуждена признать, что очень милый.

Я притворно вздохнул: – Спасибо, дорогая, за любовь. Но к делу. Я решил поехать в Швейцарию, и близко, и тихо, и уютно.

– Почему такой выбор? Зная тебя, не думаю, что ты, закрыв глаза, ткнул пальцем в карту мира. Это для тебя слишком просто.

– Ты права, не было у меня времени тыкать в карту, да и карты у меня нет. Помнишь, вчера у нас было трое клиентов, те, что купили две картины? – И не дожидаясь ответа, продолжил: – Вчера вечером, в баре у Анри, я встретил ту, единственную женщину.

– Ой, ли! – удивилась Элен. – Ты ли это? Единственная! Для тебя? Это фантастика. Я даже не знаю засмеяться сейчас или подождать, что скажешь еще.

– Не передергивай и не омрачай мою мечту. Говоря единственную, я имел в виду, что среди тех троих была всего одна женщина, вот ее я и встретил. А ты что подумала? – и, выдержав паузу, сказал, огорченно: – Не хорошо так думать обо мне. Ее зовут Анна Гранди, и она швейцарка. Мы обменялись телефонами. Я пригласил ее к себе.

– И она согласилась? Жаль, не устояла, значит, – притворно вздохнула Элен.

– Не все так сразу, куда торопится. Потенциально, да, но

не вчера. Она пригласила меня. Вот я и подумал, а что? Похожу по городам, съезжу в Альпы, пообщаюсь с коллегами. Простой, незатейливый отдых.

– Не затейливый! Это ты говоришь мне? А чем она занимается?

– Понятия не имею. А это важно?

– Для тебя, видимо, нет. И когда собираешься?

Я придал своему лицу задумчивое выражение: – Не ранее, чем через неделю, так, что еще увидимся. Успеем проститься, а ты пролить свою скупую слезу мне вслед. Жаль я не увижу ее, но почувствую. Кстати, а картины они забрали?

– Еще нет. Хочешь ей позвонить и напомнить?

– Ну, да, буду я путать работу с отдыхом. У меня сегодня несколько встреч, если будет возможность, заеду, а нет, так нет.

– Вероятно, что нет.

– Ты золото, жаль, что я не встретил тебя ранее, когда ты была свободна.

– Тогда я точно не была бы здесь, а уже уехала из Парижа. Иди, – махнула она рукой.

Я послал ей воздушный поцелуй и вышел. Я был благодарен, что у меня бала Элен. Она вела все дела, а отблагодарить ее я мог только тем, что платил приличную зарплату, но и наши отношения добросердечности были не лишними. У меня действительно было несколько встреч. Меня приглашали в качестве эксперта, консультанта владельцы частных

коллекций, да и организации тоже. Особенно я пользовался спросом по китайскому направлению. В этом я разбирался очень хорошо, не зря изучал искусство Китая, когда был в своей первой поездке, выполняя свое первое задание. Воспоминания о той операции попытались привлечь мое внимание, но я их прогнал, не до них. Сегодня мне также хотелось навестить Николая. Кто знает? Будет у меня еще возможность увидеть его или нет, и не только потому, что было мало времени, но никогда нельзя быть уверенным, что вернешься обратно. Конечно, я мог завершить дела и раньше, чтобы поехать в Швейцарию, но ехать не подготовленным – непростительная ошибка. Мне необходимо было детально изучать карту Швейцарии, схему ее дорог, расписание поездов и прочего транспорта, план Женевы, ее улиц, переулков, да и других городов, так на всякий случай. И все это держать в памяти. Я не считал, что она у меня исключительная, но и не жаловался. Были случаи, когда приходилось запоминать много имен, цифр, чтобы хранить их не на бумаге или ином носителе информации, а в голове. Я мог полагаться только на свою память, чтобы пересечь границу, не подставляясь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.